

Конформизм как имманентный элемент тоталитарных, авторитарных и либерально-демократических политических режимов

Статья посвящена такой форме политических систем, как «политический режим», и рассматривает его институциональное и поведенческое измерения. Природа «легитимации» институциональных норм описывается через призму конформизма, проявляемого ключевыми политическими акторами. Модели-сети социальных связей наглядно иллюстрируют, что конформизм является имманентным элементом как режимов тоталитарного и авторитарного типов, так и либеральных демократий.

Ключевые слова: политическая система; политический режим; институциональное измерение; поведенческое измерение; легитимность; конформизм; ценностная система; либеральная демократия.

Современной политической философии свойственно рассматривать политические процессы через призму неинституциональных факторов, что обусловлено давлением социологической, психологической, экономической традиций. Странники такой социологизации политики стремятся придать как автономной области Политического («das Politische», по К. Шмиту), так и всем собственно политическим формам взаимоотношений второстепенный характер и ставят политические отношения в зависимость от рынка с его «правилами игры», или от структурных функций и ролей, или от различных «культурных феноменов» [2, с. 121].

В числе главных преимуществ такого подхода можно обозначить широкий ракурс осмысления тех объективных структурных изменений, которые произошли в мире в ходе «постиндустриальной революции» в последней трети XX века. Однако вместе с тем масштабная социологизация политики обрекает политическую теорию на постулирование сугубо позитивистских трактовок, изображающих политическую жизнь в «лабораторном» ключе. Механистическая интерпретация жизни a priori предопределяет ее бытность закономерной и логической, а значит, минимизирует факторы случайности, многообразия ее форм, признаваемых в классической ее интерпретации. В этом и заключается обратная сторона сближения политической философии и политической социологии, во многом объясняющая тенденцию размывания или, как считал французский философ Ф. Бене-тон, «растворения» политики в политической науке XX в. [Там же, с. 122].

Анализ тех изменений, что претерпела область Политического, имеет большое значение, так как может в некоторой степени прояснить, почему в условиях «liquid modernity» границы между Политическим и социальным всё больше стираются. Однако совершить этот анализ будет невозможно без обращения к политической онтологии – базовому разделу политической философии, который осмысляет Политику как сложно структурированную деятельность. Переосмыслению одной из ее классических категорий и будет посвящено настоящее исследование.

Своеобразным стержнем политической онтологии является «власть» [3]. Именно ее концепт может стать отправной точкой нашего переосмысления одной

---

* Ян Юрьевич Моисеенко, магистр политических наук, аспирант Института философии и права УРО РАН (г. Екатеринбург).

E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

из «переменных» политической жизни – «политического режима», понятие которого в течение долгого времени являлось одним из самых обсуждаемых, но в то же время – самых спорных, рассматриваемых как в ракурсе политической философии, так и в ракурсе сравнительной политологии [1, с. 176]. На этом основании следует вначале привести к общему знаменателю основные воззрения относительно сущности этого теоретического концепта, его измерений и внутренней структуры, поскольку без ясного осознания этих компонентов невозможно впоследствии перейти к изучению специфики его различных форм.

Наиболее значимые современные трактовки «политического режима» принадлежат П. Кальверту, Ф. Х. Кардосо, Р. Фишману, Л. Уайтхеду и М. Манну [9; 10; 11; 14; 12]. Согласно П. Кальверту, «режимом принято считать систему правления или череду таких систем, где власть остается сосредоточенной в руках одной и той же социальной группы или класса» [9, с. 6]. Ф. Х. Кардосо понимал под политическим режимом «свод принципов и правил, связывающих основные политические институты и партийную систему, а также политическую природу взаимодействия государства и общества – по принципу демократии, олигархии, тоталитаризма» [10, с. 33]. Р. Фишман рассматривает «политический режим как формальную и неформальную организацию центра политической власти, а также его связь с обществом в целом» [11, с. 422]. Согласно Р. Фишману, именно политический режим определяет уровень доступа акторов к политической власти, а также состав участников ее распределения [Там же]. Схожей позиции придерживается и М. Манн, который сводит политический режим к «альянсу доминирующих акторов в идеологическом, экономическом, военном пространствах, которые действуют согласно принятым законам» [12, с. 140]. Наконец, Л. Уайтхед утверждает, что политический режим сам определяет «сеть политических институтов, а также “правила игры”, которые регулируют доступ к властным ресурсам и их использование в заданном обществе» [14, с. 46].

Представленные трактовки «политического режима», вне зависимости от предпочтений автора и их приверженности к той или иной научной школе, как нельзя лучше иллюстрируют тезис, что сущность политического режима может быть раскрыта через концепт «политической власти». Поэтому если предпринять попытку отыскать общее пространство, где все эти определения обретают точки пересечения, то им становится согласие с тем, что «политический режим» представляет собой совокупность структур власти, которые функционируют в рамках политической системы общества и опираются на социальные интересы. Так «политический режим» предстает перед нами в качестве концепта, имеющего, одновременно, два полноправных измерения.

Первое измерение политического режима представлено в классической традиции его осмысления, имевшей под собой политико-правовую основу. Здесь политический режим на теоретическом уровне анализа отождествлялся с формой правления или формой государственного устройства со всеми вытекающими из этого последствиями, нивелирующими его самостоятельную категориальную значимость. К примеру, определение Ф. Кардосо наглядно демонстрирует эту позицию: в нем «политический режим» постулируется как часть понятийного аппарата конституционного права и связывается с особенностями построения государственной власти и разделением ее ветвей. В данном случае Кардосо закладывал в него смысл системы «сдержек/противовесов» законодательной, исполнительной и судебной власти, что свойственно традициям французской школы государственного управления, где «монархия» и «республика» различались только формой правления, к которой и сводился сам феномен политического режима [7, с. 107].

Таким образом, *институциональное* (institutional) измерение определяет несколько аспектов функционирования политического режима: количество и спе-

цифику акторов, имеющих доступ к ключевым позициям в политическом поле, где происходит перераспределение власти; методы этого доступа к соответствующим позициям; «правила игры», соблюдаемые ключевыми «игроками» при принятии определяющих властных решений [13, с. 18]. В то же время эти три аспекта структурируют государственную власть, выявляют в ней вертикальное и горизонтальное измерения, акцентируя внимание прежде всего на проблеме горизонтального баланса и сдерживания власти.

Однако определить реальный политический вес закрепленных в основных законах государства принципов и процедур затруднительно, если исходить из одного институционального измерения политического режима. Поэтому, руководствуясь стремлением более содержательно обрисовать картину, исследователи выделяют и второе, но не менее важное его измерение – *поведенческое* (behavioral) [Там же, с. 9]. Его введение в политическую науку состоялось уже на неклассическом этапе, причиной чего стало возрастающее влияние «социологической традиции», сторонники которой не признавали отождествления «политического режима» и «формы государственного устройства». Полагая политико-правовой подход одномерным, его критики предлагали исследовать связи между обществом и государством через призму «принятия» этим обществом институциональных установок и свода правил. В связи с этим «политический режим» рассматривался ими не только как структура власти с присущими методами реализации политической воли, но и в гораздо более широком значении – как баланс во взаимоотношениях социального и политического, иллюстрируемый многогранным понятием «легитимность» [Там же, с. 9–11].

Естественно, полноценная институционализация политического режима может состояться только тогда, когда принятие процедурных правил будет осуществлено всеми ключевыми политическими акторами – в этом вопросе позиции большинства теоретиков сходятся, тогда как общей трактовки концепта «принятие» не существует. Однако без осуществления отдельного рассмотрения этого концепта представляется крайне сложным вычленить смыслообразующую ось рассматриваемой политологической категории, относительно которой происходит диверсификация режимов по признаку расхождения их специфических черт, позволяющих развести его либерально-демократические, авторитарные и тоталитарные типы.

Собственно феномен «принятия» («acceptance») требует от исследователя многоаспектной характеристики, интегрирующей различные его смысловые компоненты, однако особое значение имеет *адаптивность* (adaptability). Рассмотрение концепта «адаптивность» с точки зрения социальной психологии приводит к выводу, что способность человека устанавливать корректные отношения с окружающей реальностью является залогом его гармоничного «бытия-в-мире» («Being-in-the-World»), но в контексте проблематики настоящего исследования необходимо экстраполировать этот феномен на бытие политических систем.

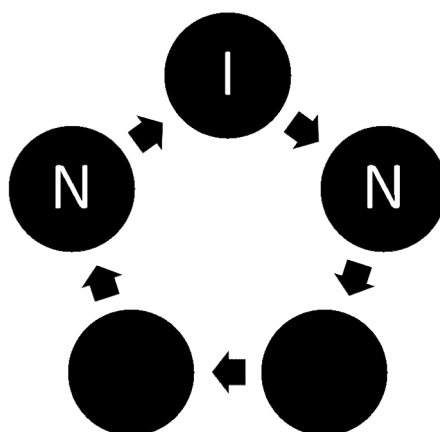
В качестве одного из возможных ресурсов адаптивности в политическом контексте следует рассмотреть понятие «*конформности*» – способности приводить свои ценностные установки и мировоззренческие позиции в соответствие с теми установками и ценностями, которые разделяет условная референтная группа. *Конформизм*, таким образом, представляет выраженное вовне поведение индивида, изменяющееся вследствие реального или даже воображаемого давления этой группы [4; 5; 6].

Конформизм часто и, безусловно, обоснованно подвергается критике, поскольку вследствие него человек внешне или внутренне отказывается от собственных убеждений в надежде сохранить статус члена группы, если эта группа представляется ему авторитетной. С другой стороны, у конформизма наличие

ствуют не только негативные, но и некоторые продуктивные стороны. В контексте настоящего исследования целесообразно рассмотреть влияние конформизма на установление «легитимности» политического режима. К примеру, *конформность*, присущая индивидууму, способствует достижению единодушия политических акторов для принятия необходимых решений в кризисных или пограничных с кризисом ситуациях, когда сохранение идентичности «группы» или же ее существование как таковое находится под вопросом.

Обращаясь к классическим экспериментам, исследующим проявление конформизма в «малых группах» (С. Аш, С. Милграм, М. Шериф), следует напомнить, что единодушие достигается тогда и только тогда, если участники этого малого сообщества «доверяют друг другу на основании авторитетности и надежности», а мнение, в пользу которого они склоняются, действительно «верно», т. е., отражает действительность [15, с. 318]. Поведение индивидов («I») в такой «малой группе» отнюдь не автономно, и в случае, если и «I» имеет доступ к мнениям двух (или более) его «соседей» («N»), то, будучи одинаковыми, они приобретают «надежность» в его глазах [Там же, с. 319]. И уже на основании этого «I» может сделать вывод об их истинности, несмотря на то что изначально те их суждения могли быть отнюдь не самостоятельными по происхождению [Там же].

Экстраполируя закономерности, свойственные «малым группам», на функционирование политических систем в условиях различных режимов, необходимо рассмотреть «канонические» модели-сети социальных связей. В силу своей универсальности эти модели способны проиллюстрировать, как в масштабах общества *конформизм* способствует устойчивости социальных связей, выраженной в единой позиции, которой, на выходе из системы, придерживаются субъекты (акторы) или индивиды, участвующие в ней. При этом необходимо заметить, что модели являются «идеальными», чистыми типами, которые иллюстрируют различные социальные обстоятельства. И ни одна из них, естественно, не претендует на то, чтобы исчерпать собой реальное общество, в котором индивиды обретают свою идентификацию – они лишь задают интересное направление мысли. К примеру, модель «Цикл» («the Cycle») иллюстрирует образ некоего «сообщества», в котором взаимное влияние индивидов абсолютно симметрично [Там же, с. 322]:

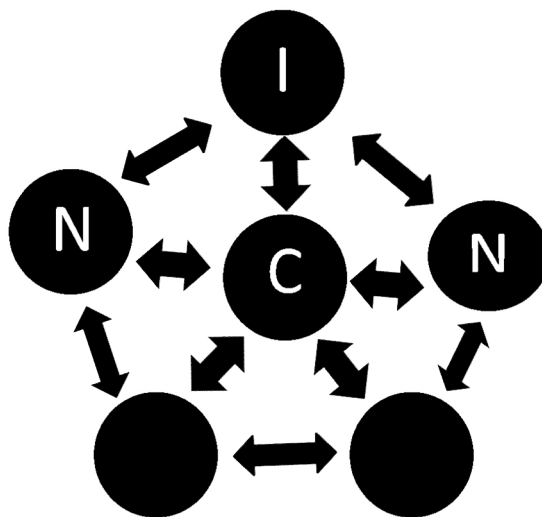

Модель 1. «Цикл» («the Cycle»)

Данная модель отношений может быть воспроизведена на практике в ограниченном числе ситуаций, большая часть которых лишь инспирирована в «лабораторных» условиях, поскольку в реальности позиции, занимаемые индивидами (элитами и т. д.) в социальном, политическом поле, разнятся друг от друга, так как поля не бывают однородными. Один «агент» всегда находится ближе к ключевым точкам поля, ресурсам власти, чем другой, а значит, он и имеет большее влияние

на других, тогда как картина «цикла» представляет модель общества, в котором ни один индивид не влияет на другого сильнее, чем другие влияют на него самого [15, с. 322].

С точки зрения перспектив экстраполяции на политические системы, работающие в авторитарном (при большем усилении значимости центра «С» – тоталитарном) режиме, много интереснее выглядит следующий «чистый» тип сети социальных связей, а именно «Колесо» («the Wheel»). В отличие от «Цикла», «Колесо» негетерогенно, поскольку в нем представлена модель сети с неравнозначным взаимным влиянием, где каждый социальный агент связан с немногими, но один, центральный актер, связан со всеми [Там же, с. 329]:

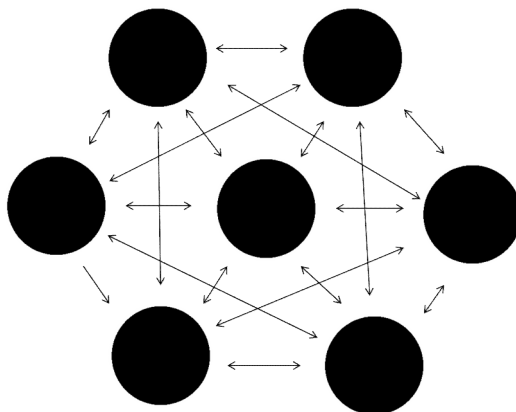

Модель 2. «Колесо» («the Wheel»)

«Центр» претендует на «легитимность» своей власти над остальными и использует возможности полноценного доступа к суждениям разобщенных субъектов «периферии», влияет на их мнения, чем исчерпывает пространство суждений единственным «мнением», которое признано им «истинным». По причине того, что ключевой актер политического процесса, изображенный в центре модели «Колесо», несмотря на тотальность распространения своего влияния, не способен моделировать положение вещей в реальности, он также заинтересован в конформизме, как в ценностной ориентации «периферии» – общества. В случае конформности общества формируемая идеологическая сверхреальность подменяет собой действительность, препятствуя осознанию процесса акторами, что приводит к скрадыванию той «пропасти», которая естественным образом возникает между индивидуальным, т. е. частным, мнением и идеологическим на первоначальном этапе функционирования системы.

Анализировать модель социальных отношений «Колесо» необходимо и с точки зрения теории вероятности, поскольку столь желаемая центральным субъектом конвергенция мнений всех участников системы, расположенных по окружности, не всегда возможна. К примеру, при условии, если хотя бы два агента «на окружности» придерживаются позиции, противоположной той, в которой заинтересован центральный агент, участники системы никогда не придут к единодушному мнению [Там же, с. 330]. При этом, с увеличением количества «агентов», вероятность последнего идет по нисходящей линии [Там же]. В соответствии с этой закономерностью тоталитарным режимам свойственно стремление к ограничению числа участников политического процесса, им выгодно наличие слабых сдерживающих горизонтальных и вертикальных факторов, и ключевую роль в их функционировании играет единоличный политический лидер.

В случае же с политическим режимом либеральной демократии внимание привлекает идеальная модель под названием «Завершенный граф» («the Complete Graph»). Она выглядит полностью симметричной, что как раз отвечает требованию либерально-демократического режима, ибо такое расположение субъектов в политическом поле иллюстрирует полноценность системы сдерживающих факторов горизонтального, вертикального свойства:

Модель 3. «Завершенный граф» («the Complete Graf»)

Кроме того, модель «Завершенный граф» обеспечивает максимально широкий «доступ» всех участников этой гомогенной системы к позициям друг друга, так как каждый «социальный агент» непосредственно связан с другим «агентом». В свою очередь, подобное распределение отвечает еще одному критерию институционального измерения либеральной демократии – «выборной» специфике. Теоретически «социальный агент» здесь имеет полноценный доступ к плюрализму мнений и может быть осведомлен о полноценной картине происходящего, а не только о каком-то определенном сегменте, отведенном ему «Центром», как в случае с моделями «Цикл» или «Колесо».

С другой стороны, с точки зрения вероятности конформности «малой группы», организованной по принципу «Завершенного графа», повышается по мере увеличения числа ее участников, при условии, разумеется, наличия в группе атмосферы взаимного доверия и ее пополнения «агентами», мнения которых принимаются большинством [15, с. 317]. Логичность данного тезиса может быть подтверждена основополагающим законом конформного поведения, выведенного еще С. Ашем: индивиды более склонны доверять именно мнению группы в целом, поскольку оно авторитетней мнения любого отдельного индивида из этой группы [Там же].

В связи с этим индивиды, которые имеют доступ ко всем членам группы, более склонны к конформизму, чем к игнорированию мнения большинства. Учитывая, что модель, созданная по принципу функционирования «Завершенного графа», подразумевает, что всякий «второй сосед» индивида, т. е. сосед его соседа, является «большинством» этой группы, получается, что каждый ее участник сразу же сталкивается с мнением большинства [Там же]. Исходя из этого, можно заключить, что мажоритарный принцип, основанный на мнении большинства, жизнеспособен в условиях либеральной демократии и принимается обществом как «легитимный», в том числе и потому, что поддерживается *конформизмом*.

Если попробовать свести воедино институциональное и поведенческое измерения и рассмотреть либерально-демократический политический режим, то можно обнаружить, что он имеет составной характер и основан на двух принципах, каждый из которых ограничивает значимость другого. Первый принцип (либеральный) заключается в том, что данный режим признает людей носителями все-

общих «прав и свобод», которые сдерживают легитимное осуществление власти. Второй принцип (демократический) находится с ним в контекстной связи, дополняя его логику идеей разграничения частной сферы и публичной. В частной сфере индивиды располагают равной свободой (понимаемой как автономия) и осуществляют выбор в пользу тех или иных личностных приоритетов (вопросы религии, семейного положения, личные интересы), не согласовывая этот свой выбор с политическим курсом государства, что, с точки зрения адептов этого режима, снижает риск конфликтов между ним и обществом. В публичной сфере индивиды образуют «политическую нацию» – сообщество, основанное на индивидуальном гражданстве, которое неспособно самолично осуществлять власть по принципу «прямой демократии», а должно выбирать во власть авторитетных «представителей» из своего числа, тех, кто будет ее осуществлять.

Таким образом, в публичной сфере, в отличие от частной, происходит институционализация возможных политических конфликтов путем выноса их на обсуждение «большинства», выражение чего политический теоретик Ф. Бенетон видит в мажоритарной системе голосования [2, с. 314]. Также, добавляет он, «мажоритарный принцип вовсе не означает, что большинство обязательно право», но его решения обязаны приниматься меньшинством как окончательные и легитимные [Там же, с. 315].

Итак, можно сделать вывод, что либерально-демократический режим развивается одновременно в двух направлениях: с одной стороны, он пытается ликвидировать некоторые конфликты легализацией различий (либерализм в частной сфере), с другой – ограничивает конфликты монополией большинства на легитимность, что есть демократический принцип публичной сферы. В итоге получается, что сама возможность иметь какие-то «разногласия» требует всеобщего согласия, касающегося уважения разногласий. Во многом этот принцип может показаться парадоксальным, но именно он, будучи уже рассмотренным через призму «конформизма», имеет предельную важность, поскольку иллюстрирует, насколько глубоко «конформность» («conformity») интегрирована во внутреннюю природу политического режима – не только авторитарного, но и даже в большей степени либерально-демократического.

Литература

1. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис. – 1997. – № 6. – С. 175–183.
2. Бенетон Ф. Введение в политическую науку. – М. : Весь Мир, 2002. – 368 с.
3. Кожев А. Понятие Власти. – М. : Праксис, 2006. – 192 с.
4. Копец Л. В. Эксперименты Соломона Аша // Классические эксперименты в социальной психологии. – Киев, 2010. – 343 с.
5. Майерс Дж. Социальная психология. – СПб. : Прайм – Еврознак, 2002. – 544 с.
6. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2000. – 338 с.
7. Оврах Г. П. Политология : учеб. пособие. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2000. – 148 с.
8. Bloomfield R., Taylor W. B. Norms, conformity, controls // Journal of Accounting Research. – 2011. – June. – Vol. 49, No. 3. – P. 753–790.
9. Calvert P. Political Succession and Political Change in the Process of Political Succession. – London : Macmillan, 1997. – 290 p.
10. Cardoso F. H. On the Characterization of Authoritarian Regimes in Latin America. – Princeton : University Press, 2003. – P. 35–57.
11. Fishman R. Rethinking State and Regime: Southern Europe's Transition to Democracy // World Politics. – 1990. – № 42. – P. 422–440.
12. Mann M. The Rise of Classes and Nation-States // Mann M. The Sources of Social Power : in 3 volumes. – Vol. 2. – Cambridge : Cambridge University Press. – 549 p.

13. Skaaning S.-E. Political regimes and their changes: a conceptual framework // Working Papers. – Center on Democracy, Development and the rule of Law, 2006. – 30 p.
14. Whitehead L. Prospects for a Transition from Authoritarian Rule in Mexico in the politics of economic restructuring in Mexico. – San Diego : University of California, 1994. – P. 327–346.
15. Zollman K. J. Social structure and the effects of conformity // Springer Science. – 2010. – V. 5. – P. 317–340.

Yan Yurievich Moiseenko,

Master of Political Science,

Post-graduate Student, Institute of Philosophy and Law

of the Ural branch of the Russian Academy of science (Ekaterinburg)

**Conformity as an Inherent Element of Totalitarian,
Authoritarian and Liberal Political Regimes**

The article is devoted to such form of political systems as «political regime» and discusses its institutional and behavioral dimensions. The essence of «legitimation» is described through the lenses of conformity performed by the significant political actors. Social model networks illustrate conformity to be inherent element of totalitarian, authoritarian political regimes and also liberal democracies.

Key words: political systems; political regime; institutional dimension; behavioral dimension; legitimation; conformity; value system; liberal democracy.